

CV / Биография

Маркелл Владислав Николаевич, также известный как Мерлин Маркелл.

Где-то и когда-то родился.

В нерукопожатных союзах не состоял.

На конкурс подался ради хиханек-хаханек.

Насублимировал, а людям читать.

<https://vk.com/merlinmarkell>

vnmark91@gmail.com

Море лжи и море лажи

Море лжи или море из лажи?

Из двух зол которое гаже?

Лично я предпочту ложь.

Объяснить? Что ж.

Ложь бывает во спасение,

Рождается из непонятого мнения,

Бывает невинной,

Бывает красивой,

В отличие от лажи,

Маркой, как сажи,

Заразной, бесспорно.

Её больше, чем порно,

И как порно,

она всегда пошла'.

Ну, куда ты пошёл иль пошла?

Дай мне договорить.

Это непросто — творить,

Ведь только несвежую
Лажу все нежат,
И целуют с охотой,
Как минимум Клото
Воображая себя
За нитку трусов беребя.
Тебе то болото знакомо,
А по мне, лучше слечь в коме.

Знаю я, говорить так нельзя,
Коль ещё не дошёл до ферзя;
Чтоб судить — это лажа? не лажа? —
Самому бы поднять ту поклажу
И пройти по дороге в ботинках,
Что носили дурак и кретинка,
Но я попытался, честно.
Результат был, конечно, нелестный.
А может, всё дело в гордыне?
Когда вразумишь, Боже, дыню,
Что торчит из моих плеч?
Пред какою иконой мне лечь
Чтоб на сайтах ли, вернисаже, —
Перестал бы видеть я лажу?

...И если бы я выбирал, в каком из двух морей тонуть,
я без промедленья выбрал бы первое.

Часы

Как неуместен ход часов!

Хоть в тишине, хоть в галдеже
Глаза закрой, и ты уже
Летишь сквозь космос в неглиже —

Лишь если не слышать часов.

Секунда вечностью длинна
И старость юности равна,
Но схлынет дзен как сон-волна

Когда пробьётся звук часов.

Лик безвре́мья так велик,
А им всё тик, и так, и тик,
Мой дух к такому не привык,

Стеснённый тиканьем часов.

Давай до утренней росы
Тайком сломаем все часы;

Не станет жаворонков, сов
В прекрасном мире без часов!

А был я, братцы, или не был

А был я, братцы, или не был?
В глаза глядит пустая небыль
Чужих незначащих имён,
Улыбок-масок и знамён

Давно исчезнувших племён,
Что более не рвутся в небо.

Горел я, солнце, или сразу
Родился мёртвым по приказу
Своей ровесницы-страны,
Покрытой пеплом без войны,
Где зимы вечны без весны
А людидохнут без проказы?

Звучал я, песня, или молча
Томился в "благородных" корчах,
Зато венец себе терновый
Ссудил у света, и оковы
На дверь повесил, как подкову,
Чтоб мысли не ворвались порчей?

Летал я, звёзды, или ползал
Змеёю, сонной от мороза,
Лелея хладнокровным телом
Один и тот же путь несмело -
За столько лет не надоело
Терзать себя и мир без пользы!

Картины на песке

Буддийский монах –
 Ах! –
Рисует узор –
 Мажор! –

На вольном песке у моря:
Картина без режиссёра.

Волна набегает, ленива,
Плоды стирает игриво
Духовного труда –
Да...

И сверху смеётся Бог:
“Ох-хох!”

А монах... улыбаясь? –
“Ась?” –

Шлёт морю-прожоре
С любовью
Свою безмятежность
От берега безбрежно.

Я тоже познал дзен
...Тлен...
И с покерфейсом рисую
...Всуче...

Джоконду краем совка
В кошачьем лотке в уголках.

Старый год

Едет Год-белбород в вагоне метро,
Усталый, постылый, остылый.
Косой весь, от трезвости пьян.
Спину — бугром,
За плечами — баян,

Шея костлявая — в мыле.
Усталый, ещё б.
Полсотни недель
Отработал взхлёб,
И каждый день будний,
То ненастный, то нудный —
Плохая кудель,
Раскосматая вата,
Не спрясть и не сшить:
Будет в пряже
Многовато
Несбывшейся блажи
И ни капли души.
Отчего же постыл...
Цифры, которым назначили
Смысл
Переиначенный — тошно.
Кто-то искал мне-всё-можно,
Кто-то нашёл знак безбрачия,
Кто-то цепь на позорном столбе...
И каждый надел
Сапоги по себе,
Но не каждый остался у дел.
Едет Год на погост,
Остылый — как труп,
Да по плану, не вдруг,
Знает, что завтра умрёт.
А народ —
«Прощай, милый гость»,
Шампанским
Отпразднует смерть.

Незачем землю пухом желать,
У него есть сугроб,
Мягкий, что бабкин десерт.
Пускай по-мещански,
Но самим б такой гроб,
Из плюша полать,
Конечно, как время придёт...
Прощай, старый Год.

**Дурные вести
(на смерть близкого)**

Дурные вести
стучатся в окно,
не счесть их, не счесть их...
Найдут адресата
в кафе и кино,
в цеху и конторе,
в дыре под забором,
и как стекловата,
облепят всё тело,
облепят глазницы —
им больше не видеть
ничего, —
кроме белого,
белого горя,
моря
вестей, забившего трубы

останками труп
гнилого
и провод сорвавших
между столбами.
Вобравшие
тлен, сметаю полами
паутину и пыль
с моего окна —
такая с них польза,
а боль не сильна,
в какую бы позу
я не вставал.
Тринадцатый вал
давно прокатился
по членам моим,
ещё в детстве, детстве,
теперь нам нестрашно,
теперь мы молчим
напыщенно, важно,
и даже не знаем,
когда «я»
превратилось в «мы».
Лишняя маета,
пустые сны
вся эта разгадка
гадкая, гадкая,
как вести с другой стороны.

Кто-то умер, — щебечет одна,
шепчет вторая: луна полна,
третья вещает: нас не поймут,
бормочет четвёрка: время уснуть
настало, настало, настало,
пятая молвит: пожил ещё мало.

О стекло разбивают грудь
как птицы, посмертно воркуя,
и кровью чертя мысли свои;
мне же теперь не уснуть, не уснуть,
до утра толкуя
послания их.
Шестая писала,
что я — пустота,
седьмая ворчала:
злая судьба;
в посланье восьмой
расшифрован был стон,
девяткиный вой
был тоже о том,
что мир
нас не сможет любить,
а мы ему это
не сможем простить.
Скверный эфир!

Наложить бы вето
ему на волны,
лишних смыслов полные,
да не знаю, как
выключить чёртово
радио так
(кнопки — стёртые),
чтобы не выключить себя.
Вести дурные клубят, клубят
чёрным в моей голове,
настойчивы, будто сектанты,
сверхновый завет
с пафосом, будто брильянты
суют мне под двери
и благодарности ждут.
Выбираю «не верить»,
завет растекается,
чистая ртуть-
-металлоскиталица,
и оседает бронхитом
в правом обжитом
бактерией
лёгком и, укореняясь,
пускает споры.
Не существует прибора,
что их извлечёт,
не повредив мою самость

даже на самую малость.

Мне ж остаётся учёт

бесстрастный вести,

и иногда, от скуки,

плести

заунывно о муках

очередную балладу,

кою никому и не надо.